

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ
С.А. АЙЛАРОВОЙ, Л.Т. ТЕБИЕВОЙ «КУЛЬТУРА И ХОЗЯЙСТВО:
ВЗГЛЯД СЕВЕРОКАВКАЗСКИХ ПРОСВЕТИТЕЛЕЙ
(КОН. XVIII – XIX ВВ.)».
ВЛАДИКАВКАЗ: ИПО СОИГСИ, 2008. 296 с.

Е.И. КОБАХИДЗЕ,
кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник
СОИГСИ им. В. И. АБАЕВА

Рецензируемая монография посвящена теме, актуальность которой не вызывает сомнений в свете современных концепций о характере и результатах взаимодействия различных социокультурных и цивилизационных систем, соотношении глобализма и традиционализма как конкурирующих векторов в развитии этнических культур Кавказа. Кроме того, основной лейтмотив монографии – историческая необходимость формирования новой этики труда и хозяйствования, обусловленная выходом за пределы традиционной повседневности, – созвучен сегодняшним потребностям общественного развития, направленного в сторону либерализации всех сторон жизнедеятельности российского социума.

В первую очередь, необходимо отметить сложность и неоднозначность проблемы, которой посвящена рецензируемая монография, и прежде всего, в силу специфики исследуемого предмета, поскольку общественная мысль как социальный феномен отражает дейст-

вительность в современных ей категориях, которые сами по себе суть историчны. Поэтому перед исследователем стоит непростая задача. С одной стороны, автор как субъект исследования предстает как носитель мировоззрения современной ему эпохи со свойственными ей идеологическими доминантами, подспудно соотнося явления прошлой жизни с собственным рациональным опытом и мироощущением. С другой же стороны – очевидная необходимость в объективности и адекватности исследования требует «погружения» в изучаемую эпоху, попытки взглянуть на рассматриваемые процессы «изнутри», сообразуясь с теми конкретными социально-историческими реалиями, на фоне которых формировались взгляды и идейные позиции самих деятелей эпохи, чье духовное наследие и становится предметом исследования.

Нельзя сказать, что общественная мысль Северного Кавказа относится к малоизученным явлениям историче-

ской действительности. Однако С.А. Айларовой и Л.Т. Тебиевой удалось найти такой аспект в творческом наследии северокавказских просветителей, который прежде не был в фокусе исследовательского внимания – их хозяйственно-экономические воззрения, сложившиеся на стыке двух цивилизационных и социокультурных парадигм – государственной и традиционалистской. Этим прежде всего определяется новизна работы.

К несомненным достоинствам монографии следует отнести сочетание методов макро- и микроанализа, применение которых позволило авторам, с одной стороны, обозначить тот исторический фон, на котором творили деятели северокавказского Просвещения, а с другой – обнаружить важные детали и нюансы в их творческом наследии, ускользающие при более широком, обобщенном взгляде. Рассмотрение хозяйственно-экономических воззрений северокавказских просветителей в исследуемый период по персоналиям, как основной подход, к подаче материала выглядит вполне оправданным, поскольку, во-первых, позволяет показать динамику становления нового культурно-исторического мышления у наиболее ярких представителей нарождающейся северокавказской интеллигенции, и, во-вторых, представить самих деятелей общественной мысли как субъектов исторического развития, оказывающих воздействие на ход экономико-модернизационного процесса в регионе. Хронологические рамки исследования (конец XVIII – XIX вв.) позволяют авторам показать генезис и направленность эволюции хозяйственно-экономических воззрений в творчестве выдающихся деятелей общественной мысли Северного Кавказа.

Структура монографии определена

конкретными исследовательскими задачами. Основная часть текста написана С.А. Айларовой (гл. I, второй раздел гл. I; первый, третий и четвертый разделы гл. II; первый, третий и четвертый разделы гл. III; гл. IV), остальные разделы – Л.Т. Тебиевой. В первой главе рассматриваются исторические и социально-экономические факторы формирования общественной мысли на Северном Кавказе. В характеристике хозяйственно-экономического развития народов Северного Кавказа в конце XVIII – XIX в. отмечены типичные черты хозяйства северокавказских традиционных обществ, ведущими отраслями которого являются скотоводство и земледелие, представленные в различном локальном соотношении и дополненные домашними ремеслами. Натуральный характер хозяйства у народов региона был обусловлен, прежде всего, ограниченностью экономической базы и специфическими условиями, порой значительно препятствовавшими развитию производительных сил.

Указывая на значение производственной деятельности как основы функционирования традиционного хозяйства на Северном Кавказе, автор останавливается на такой важной его составляющей, как захват добычи в набегах. Набеговая практика, сформировавшая институт наездничества в традиционных обществах, представляла собой один из важнейших механизмов вертикальной редистрибуции, обеспечивающий высокие статусные позиции в социальной иерархии. В условиях, когда коллективизм превалировал над частной экономической инициативой, а количество собственности не являлось основанием для признания доминирующего положения в социуме, общественный статус индивида повышался через механизмы престижной экономики, высокое обще-

ственное значение которых закрепилось в морально-этических кодексах. Культ удалства и молодечества, унаследованный от рыцарского этоса, стал одной из константных составляющих этической картины мира в традиционных обществах Северного Кавказа.

Высокий общественный статус набеговой практики, бывшей прерогативой социальных верхов, по мнению автора, играл существенную роль во всей хозяйственно-экономической жизни горских народов. На долю же основного производителя – горского крестьянства – выпадали «непрестижные» виды производственной деятельности, низкий социальный статус которых объяснял их невысокую эффективность и слаборазвитую этику труда.

Интенсивно развивающиеся российско-северокавказские отношения внесли свои коррективы в традиционный хозяйственный уклад народов региона. Освоение равнинных земель и изменение условий хозяйствования повлекли за собой расширение и усложнение традиционных хозяйственно-экономических связей, повышение значимости торговли в экономике горских обществ. Влияние российской государственности на северокавказские общественные структуры авторами оцениваются как безусловно модернизирующее, способствующее оживлению патриархальных общественных институтов и складыванию товарного производства, что в конечном итоге привело к вхождению экономики Северного Кавказа в общероссийское экономическое пространство. Решающее значение в этом процессе имели буржуазные реформы 60-х гг. XIX в.

Естественно, процессы обновления традиционного образа жизни, свидетелем и участником которых стала молодая северокавказская интеллигенция, не могли не оказаться в центре внимания

ярких ее представителей. Импульсом к зарождению особой категории деятелей просветительства в регионе послужило присоединение его к России, в целом завершившееся к началу XIX в. Вхождение в «большой мир» настоятельно требовало от горских обществ обновления всей системы социально-производственных отношений, возможного при условии выработки новой хозяйственной психологии широких народных масс. И этот императив хорошо осознавали деятели общественной мысли Северного Кавказа. Вместе с тем, усвоив передовые достижения европейской и русской цивилизации через собственный опыт, они выдвигали тезис о первоочередной необходимости их синтеза с лучшими местными хозяйственно-экономическими традициями, обеспечивающими хозяйственную и культурную самобытность каждого народа. Главную свою задачу они видели в воспитании горца как гражданина Российского государства, который бы осознавал общественный интерес как собственный. Вера в особую, гуманистическую, миссию России питалась убежденностью в способности государства защитить «общее благо» всех его народов. Эта мысль красной нитью проходит через творчество просветителей на протяжении всего исследуемого периода.

Глубокий анализ хозяйственно-экономических воззрений деятелей северокавказского просветительства представлен в трех последующих главах, где на основе периодизации просветительского движения на Северном Кавказе, связанной с этапами социально-политического и экономико-культурного взаимодействия России и Кавказа, дается характеристика хозяйственно-экономических воззрений просветителей конца XVIII – 50-х гг. XIX в., 60-70-х гг. и 80-90-х гг. XIX в.

Если для первого этапа характерны идеалы «просвещенного» феодализма, который отстаивает экономико-правовые привилегии высшего сословия (особая – воспитательная – роль дворянства, веравпреобразовательную силу Просвещения, пропаганда новых социальных идей, несущих в себе Разум и Истину, и т.д.), то на втором доминирующими становятся идеи общественного равенства и внесловной ценности личности, которая рассматривается уже как главный элемент общества. Труды этого периода отмечены печатью высоко понимаемой гражданственности, базирующейся на триединстве общества – государства – личности. Просветительская интеллигенция видит себя уже в качестве интеллектуального посредника между властью и обществом, между либеральной бюрократией и народными массами. Все творчество просветителей 60-70-х гг. XIX в. пронизано верой в конструктивный потенциал горской хозяйственной культуры, созданной горским крестьянством – главным производителем материальных благ в крае. Третий этап развития просветительской мысли на Северном Кавказе отмечен углубленным исследованием социальных противоречий, обострившихся в связи с нарастанием процесса «капитализации» всей системы общественных отношений после проведения в крае великих реформ. Это время отражено в публицистике северокавказской интеллигенции с народнических позиций, однако, отстаивание интересов крестьянства как основного производителя материальных благ тесно сплетается в творчестве просветителей с идеями о необходимости сохранения самобытности горских народов как носителей «целостной социальной культуры».

Основные вехи в развитии общественной мысли на Северном Кавказе

рассматриваются авторами на примере творчества Ф.А. Бековича-Черкасского, Ш. Ногмова, С. Хан-Гирея, Д.С. Кодзокова, У. Лаудаева, Ч. Ахриева, А.-Г. Кешева, И.Д. Канукова, осетинских публицистов 80-90-х гг. XIX в. Г. Баева, Г. Цаголова, А.Г. Ардасенова, К.Л. Хетагурова и др. Каждый из них, получив образование в России и впитав в себя ценности общеевропейской культуры, оставался ярким представителем своего народа, небезразличным к его политической судьбе и экономическому благополучию. Столкновение двух полярно различающихся миров заставило их задуматься о путях оптимизации взаимоотношений государства и традиционного общества и наиболее продуктивных формах, обеспечивающих их взаимовыгодное сотрудничество, а также искать причины, мешающие интенсификации экономики северокавказских народов.

Привлечение документальных материалов позволило авторам показать эволюцию общественных взглядов одного из первых адыгских просветителей Ф.А. Бековича-Черкасского, который по долгу службы был занят анализом хозяйственно-экономического состояния адыгского общества. Важнейшим условием, способствующим позитивным сдвигам в хозяйствовании закубанских народов, он полагал, прежде всего, изменение в образе жизни феодальной верхушки, ее нравственную переориентацию, что могло бы утвердить между закубанцами «желаемый правительством порядок». Достичь же этого можно было только соответствующим образованием и воспитанием дворянской молодежи, которая, познакомившись близко с благами цивилизации, уже не станет предаваться праздности, а ступит на путь преобразования самих основ жизнедеятельности своего народа. Что касается сельско-

хозяйственного производства, то оно, по мнению просветителя, могло быть оживлено элементами предпринимательства и коммерции, которые, развиваясь в русле новой, высокой трудовой этики, обеспечат экономический прорыв и выведут адыгов на путь экономического и культурного процветания.

Роль просвещения и торговли как необходимых элементов хозяйственно-культурного развития подчеркивалась и в трудах Ш. Ногмова. Объясняя экономическую отсталость адыгов по сравнению с развитыми западноевропейскими обществами, просветитель указывает не только на суровые климатические условия и политическую нестабильность в регионе, но и на низкую культуру труда во всех областях хозяйствования адыгов, обусловленную замкнутостью традиционного уклада жизни и отсутствием цивилизующего влияния государственности.

Знатоком традиционного хозяйственного быта адыгов представлен и С. Хан-Гирей. Глубокое знание традиционной этнической культуры, всей системы жизнедеятельности адыгов позволило ему сделать ряд важных наблюдений относительно локальных различий в хозяйстве разных районов, показав, что застойные темпы экономического развития в горах обусловлены неразвитостью обменов, замкнутостью всего хозяйственного цикла у адыгов. Опираясь на оригинальные тексты, С.А. Айларова доказывает, что взгляды С. Хан-Гирея на традиционную систему хозяйствования у адыгов были достаточно критичны, поскольку, удовлетворяя само адыгское общество, эта система обнаруживала весьма низкий уровень по сравнению с экономическим состоянием современных самому просветителю передовых народов Европы. И причинами тому являлись низкий

культурный статус труда в самом адыгском обществе, отсутствие государственности, замкнутость традиционного уклада жизни. В качестве возможных и необходимых путей для преобразования экономики адыгов (и всех народов Северного Кавказа) просветитель называет торговлю и развитие ремесленного производства. Торговля видится ему как важное миротворческое средство укрепления связей северокавказских народов с Россией, несущей блага цивилизации в традиционный жизненный уклад.

Личным подвижническим примером пытался привить в горской среде новые, просвещенные начала жизни Д.С. Кодзоков. В книге показывается, что творчество и весь жизненный путь Д.С. Кодзокова являются яркой иллюстрацией развития просвещенческого движения на Северном Кавказе. Начав с разработки широкой программы преобразования традиционного жизненного уклада горцев в 30-40-х гг. XIX в., в 60-70-е гг. он предстает уже как реформатор и хозяйственник, ратующий за либерализацию всех сторон хозяйственной жизни на Северном Кавказе, развитие товарно-денежных отношений и включение экономики региона в общегосударственную экономическую систему.

В пореформенной Осетии потребность в формировании новой трудовой и хозяйственной культуры понималась особенно хорошо. Как подчеркивал И.Д. Кануков, «все внимание народа обращено теперь на практическую сторону жизни»; но эта переориентация таила в себе угрозу всей духовной структуре горской культуры, которая наряду с внешней, бытовой стороной жизни горского общества подверглась испытанию на прочность.

В просвещенческой деятельности представителей молодой горской ин-

теллигенции сочетались теоретический анализ и практический опыт внедрения собственных прогрессивных идей в реальной жизни. Энтузиасты просвещения, они личным примером «строили новую реальность», во многом способствуя сближению и взаимопроникновению разных культур и миров. Все их творчество пронизано сознанием, что традиционная повседневность изживает себя, ломается при контактах с другим народом. В трудах просветителей последовательно проводится мысль о необходимости разорвать замкнутый круг традиционных общественных связей. Ими указываются возможности выхода из консервативной рутины: либо путем правительственных реформ (т.е. «сверху», под влиянием «административно-гражданского элемента»), либо путем расширения горизонтальных связей с другими народами, которые бы обеспечили прогресс через обучение, заимствование и усвоение передовых хозяйственно-экономических достижений другой культуры.

В своих преобразовательных планах главную цивилизаторскую миссию просветители возлагали на Российское государство, несущее в горскую среду новые образцы хозяйственно-экономического поведения. Основным источником развития и прогресса им виделась социальная энергия, измеряемая уровнем и качеством человеческой мотивации. Ориентация на человека, который всегда стоит в центре хозяйства и знает, во имя чего он действует, являлась главным побудительным мотивом общественной деятельности и творчества северокавказских просветителей.

Сравнительный анализ хозяйственно-экономических воззрений просветителей при всей многозначности позволил авторам книги выявить нечто

общее, что отличает взгляды каждого из них, а именно созидательную сущность труда как основы общественного благополучия и развития. Будучи очевидцами и непосредственными участниками сложных коллизий, возникавших в результате столкновения цивилизаций, каждая из которых зиждется на собственном моральном кодексе, все они пришли к выводу о необходимости просвещения, воспитывающего новые культурно-хозяйственные установки, которые бы повысили престиж производительного труда. В качестве предпосылок для этого просветители называли черты, свойственные морально-этическим комплексам этнических культур: предприимчивость, здоровый авантюризм, готовность к риску. Между тем, для формирования новых убеждений требовалось время, так же как и для изживания старых, которые имеют глубокие исторические корни и значение.

В монографии показывается, как в творчестве ряда просветителей (напр., А.-Г. Кешева) исследуются два общественных уровня, две субкультуры, каждая из которых по-своему адаптируется к новым социальным реалиям. Следуя за мыслью просветителей, С.А. Айларова доказывает, что у тех, кто занят производительным трудом и, соответственно, исповедует нормы трудовой этики, больше исторических шансов не только к адаптации, но и к выживанию как таковому. По мысли просветителей, именно крестьянство способно было пережить переломную эпоху без духовных потерь. Конечно, очевидна некоторая романтизация, гипертрофированное восприятие созидательных социальных возможностей крестьянства, однако следует иметь в виду, что идеи эти возникли и разви-

вались в период подготовки и проведения Великих реформ, с которыми вся передовая российская общественность связывала надежды на преобразовательный потенциал высвободившейся социальной энергии. С другой стороны, была представлена драма феодальной элиты, которая потеряла свою социальную базу, оказавшись в ситуации, когда ее собственные моральные ценности перестали быть актуальными. По мысли просветителей, выход был один – в сочетании «предпринимательского духа», как отличительной черты бывшей горской воинской элиты с культом труда и практицизма, свойственным крестьянскому мировоззрению. Только тогда возможно разорвать замкнутый круг традиционной повседневности и вырваться в сферу расширенного производства, создать продуктивную экономику.

Отличительной чертой мировоззрения пореформенных просветителей был взгляд на уходящий мир через призму европейской идеологии труда. Под «могущественным напором цивилизации», в столкновении рационального и иррационального начал, по их глубокому убеждению, победа оставалась за рациональным. Необходимость же в новой хозяйственной культуре с неизбежностью порождала и необходимость в новом типе личности, обладающей таким важным качеством, как социальная ответственность.

В центре внимания публицистов 80-90-х гг. XIX в. – аграрный вопрос, который, будучи всегда одним из наиболее актуальных для Северного Кавказа, после проведения в крае земельной реформы приобрел особенную остроту. На процессы капитализации товарно-денежных отношений здесь накладывались процессы расслоения горского крестьянства с одновремен-

ной девальвацией традиционных хозяйственных ценностей. «Встреча» отставшего традиционного горского общества с европейской цивилизацией, принесшей с собой новые формы хозяйствования, происходила болезненно – кардинально изменился весь образ жизни горца, оказавшегося перед необходимостью удовлетворения внезапно выросших потребностей, осознание которых принесло близкое знакомство с более развитой культурой производства-потребления. Анализируя взгляды А.Г. Ардасенова, С.А. Айларова обращает внимание на такие закономерности пореформенного общественного развития, которые оказались в центре внимания публициста: несоразмерность возросших потребностей возможностям их удовлетворения посредством старых, привычных форм хозяйственно-производственной деятельности. Новая эпоха утвердила новые ценностные ориентиры, и горец пытается приспособиться к ним всеми возможными для него способами, главным из которых оказывается торговля. Но массовое увлечение торговлей вызывает у публициста тревогу, поскольку эта форма деятельности – лишь внешнее отражение процессов вовлечения крестьянина в рыночные отношения, на самом же деле шло быстрое разрушение не только традиционных основ жизнедеятельности, но и размывание прежней системы ценностей, на место которых еще не пришли новые.

Вопрос, таким образом, состоял в том, как должно разрешать «великую задачу поднятия производительных сил края» и уровня благосостояния широких народных масс. Ответ для просветителей был очевиден – поднятием уровня образования населения и модернизацией хозяйственной куль-

туры как источников промышленного прогресса.

Подводя итоги работы, авторы монографии констатируют, что неутомимая деятельность северокавказских просветителей оказала значительное влияние на общественное сознание горских народов, на складывание нового отношения к труду и хозяйственному созиданию и заложила начала

новой продуктивной экономики в регионе.

В результате перед читателем – чрезвычайно интересное, многоплановое, насыщенное обширным фактологическим материалом и новыми интерпретациями научное исследование, которое внесло весомый вклад в изучение общественной мысли Северного Кавказа конца XVIII – XIX вв.